

УДК 1:316.75

Историческая память как объект манипулирования и конструирования

Хамидов Александр Александрович

доктор философских наук, профессор, научный сотрудник Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М.Шукшина. Российская Федерация 659333, г. Бийск, ул. Короленко, 53.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению способа становления и развития феномена исторической памяти в историко-культурной ретроспективе. Автор выявляет реальный и иллюзорный виды исторической памяти и рассматривает логику их формирования в контексте различных социокультурных обстоятельств (архаический период, советская история, история постсоветских суверенных государств, современный мировой процесс). Анализируя особенности формирования исторического сознания на современном этапе (XX и XXI века) автор отмечает, что она зачастую является объектом манипулирования и конструирования.

Ключевые слова: общественная память; модель времени; генеалогическая память; историческое сознание; этатизация исторической памяти; фальсификация истории; ангажирование исторической памяти.

Память вообще – это «свойство мыслительной деятельности, заключающееся в способности хранить, воспроизводить и вводить в сферу сознания информацию о прошлом. Качество памяти определяется длительностью хранения информации и адекватностью её воспроизведения» (Slovar' filosofskih terminov 2004, P. 401, прав. стбц). Память – это способность к идеальному (в смысле *ideelle*, а не *ideale*) хранению, накоплению и воспроизведению прошлого опыта. Историческая память – отнюдь не то же самое, что и индивидуальная память. Она есть сконденсированный культурно-исторический опыт этноса, нации, человечества. Это – *общественная*, или – выражаясь менее точно – *коллективная*, память. Это память поколений и целых народов. В пределе – память всей всемирной истории. Она формируется вместе с формированием *исторического сознания*. В отличие от индивидуальной памяти, историческая память – не просто способность к воспроизведению, хранению и трансляции Прошлого, но она есть также идеальное (*ideelle*) *реконструирование* и *конструирование* реальностей Прошлого средствами Настоящего. В этой связи реконструированное и сконструированное Прошлое как содержание исторической памяти не может быть *ценностно-нейтральным*: какие-то его события и персонажи в той или иной степени обладают приданной им положительной оценкой, какие-то – отрицательной, а какие-то предстают ценностно-нейтральными. Содержание Прошлого реконструируется и конструируется некоторыми видами социально санкционированной деятельности – музейной, архивной, мемориальной, историческими исследованиями, изданиями мемуаров и т. д. Создаются специальные предметы и предметные комплексы, разрабатывается специальный семиозис для фиксации Прошлого. Свидетелями исторического прошлого могут быть уже через три-четыре поколения после их возведения также архитектурные и иные сооружения. Историческая память становится предметно-наглядной.

Как отмечает Е.Г.Трубина, «возведение «памятника» (монумента, мемориала, памятной доски или знака, а также создание музея либо академического института, написание книги) возможно лишь в случае, если определённая версия прошлого вольно или невольно признаётся всем сообществом» (Trubina 1998, P.635, прав.стбц). Либо же навязывается

доминирующей в социуме группой или властью государства. Стало быть, само историческое сознание не является ценностно-нейтральным. В этом его уязвимость. Часто в наличной Современности сосуществуют разные версии и трактовки Прошлого, находящиеся между собой в отношении конкуренции, конфронтации или даже конфликтности. В неспециализированном, обыденном сознании существуют, не *понятия*, а всего лишь *образы-представления* Прошлого. Прошрое «своих» изображается в положительных тонах, прошрое «чужих» – в нейтральных, прошрое «врагов» – в отрицательных. Если такие образы-представления транспонируются в сферу научно-исторического исследования и обретают там сознательную или неосознаваемую санкцию, тогда в неё привносится элемент *конечной* заинтересованности и – тем самым – внедряется *идеологическая составляющая*.

Необходимо различать *реальную* и *иллюзорную*, или *имагинативную*, историческую память. Истоки такого разграничения следует искать в глубокой древности – в последствиях так называемой неолитической революции, связанной с переходом от бродячего образа жизни к оседлости и от ведёния присваивающей экономики к ведёнию экономики производящей. Именно с этого времени начинается отсчёт исторического времени и соответственно – исторической памяти.

На характер и содержание исторической памяти существенное влияние оказывает структура общественного сознания эпохи и присущее ей мировоззрение. А внутри мировоззрения важна *модель времени*. Для периода Архаики характерно преобладание в общественном сознании мифологического начала, представленного целым набором мифов, главными среди которых являются космогонический и антропогонический. Все эти мифы разыгрывались («разыгрывались», конечно, с современной точки зрения; для первобытных людей это было серьёзнейшим жизненным действием) в различных *ритуалах*. Для данного периода также характерно разделение действительности – природной и культурной – на сферу *сакрального* и сферу *профанного*. Первая обладает здесь более высоким ценностным статусом, вторая же – менее высоким. Столь же двойственным характером обладает время и, конечно же, пространство. Однако сакральное пространство не только непосредственно связано с сакральным временем, но до известной степени производно от него. Ведь с *времени* начинается космогенезис, сотворение мира и, значит, появление пространства. Хаос предшествует Космосу во времени, а не только противостоит ему в пространстве (точнее – пространством). Космогенезис как процесс космизации Хаоса начинается в определённое время (так называемое время *óно*) и в определённом месте (это – Центр мира, здесь проходит «мировая ось»). Из этого центра начинается разворачивание пространства (оно *простирается*). Сотворённое пространство для мифологического сознания качественно неоднородно. По мере движения от центра в направлении периферии убывает сакральность. Из времени *óно* развёртывается и временной процесс. Сотворённое время столь же качественно неоднородно. Центр остаётся самым сакральным местом. В нём соприкасаются Небо, Земля и Преисподняя. Следовательно, наиболее сакральным является Верх. Космос начинает существовать, однако по мере его существования «пассионарная» энергия первотворения истощается и мир начинает деградировать. Пройдя по кругу почти до самого начала, Космос разрушается и впадает в Хаос. Но вскоре вновь начинают действовать космогонические силы и из прежней точки рождается новый Космос, который пройдёт тот же самый путь. И всё повторится вновь. Так, согласно данной модели времени, в мире осуществляется

Вечное Возвращение¹. Таким образом, время в этом мировоззрении понимается как *циклическое*, в котором имеется начало, но *нет* конца, так как всё вновь возвращается к своему началу, а затем цикл повторяется.

Космогонический миф разыгрывался в ритуале встречи Нового года. Структура данного ритуала такова. «Исходное положение – мир распался в Хаосе, все прежние связи нарушены и уничтожены. Задача – интегрировать Космос из его составных частей, зная правила отождествления этих частей и частей жертвы, в частности человеческой. Способ – ритуальное действие, во время которого жрец произносит над жертвой, находящейся на алтаре, соответствующем центру мира, текст, содержащий указанные только что отождествления, и жертва принимается, в чём следует видеть действие, прообразующее синтез Космоса, восстановление всего того, что возникало в акте первотворения» (Торогов 1988, Р.16)². Мировоззренческие сакральные атрибуты пространства-времени проецируются в архаической культуре и на профанное её измерение и тем самым задают ценностно-смысловой масштаб для отношения к ним.

Мифы содержали в себе массу сакральных сюжетов и персонажей (богов, демонов, культурных героев, чудовищ и т.п.). Вокруг этих сюжетов и персонажей слагались предания, легенды, которые обладали также воспитательной функцией в сфере профанной жизнедеятельности. Как отмечает М.Элиаде, в архаической культуре имеют место «обряды и значимые профанные действия наделяются определённым смыслом потому, что они сознательно *повторяют* действия, *изначально* свершённые богами, героями или предками» (Jeliade 1998, Р.17). Согласно мифологическому мировоззрению, земная действительность имеет *вне-земной* прототип, или архетип, служащий для неё моделью. Архаический человек действует и поступает согласно сакральному архетипу, реализуя этот архетип. Поэтому его память загружена не только (и даже не столько) действительными событиями и их участниками, сколько событиями, сюжетами и персонажами сугубо *имагинативными* (богами, культурными героями, всевозможными дүхами и т.д.). И они-то и представляются архаическому человеку действительнее действительных. Поскольку сакральная *квазиреальность* определяет и сферу профанного, постольку общественная память содержит в себе много *квазиреального*, а потому во многом является *квази-памятью*. Скажем, космогонический миф есть лишь, как показал Ф.Б.Я.Кёйпер, онтологизация, то есть проекция на Космос процесса *эмбриогенеза* и запечатлевающего его *пренатального* опыта (Kjojper 1986), а равно и опыта *перинатального*. В другие эпохи и в других культурах можно обнаружить другие обряды, культы, ритуалы, в которых люди как бы перемещаются в символическое пространство и время и временно проживают сугубо символическую жизнь, возможно, подчас об этом и не подозревая.

¹ «Весь Новый год, – пишет М. Элиаде, – это возобновление изначального времени, то есть повторение космогонии. ...В конце года и в ожидании Нового года повторяются временные мифические эпизоды перехода от хаоса к космогонии» (Jeliade 1998, Р.89)

² В другой своей работе М. Элиаде даёт более эксплицитное изображение структуры ритуала встречи Нового года. Незадолго до конца Старого года ритуально разыгрывается усиление хаосогенного начала и наступление Хаоса. «Каждому ритуальному повторению Космогонии, – отмечает М. Элиаде, – предшествует символическое возвращение в «Хаос». Прежде, чем быть созданным заново, старый мир должен быть предварительно уничтожен. Так, разные обряды, связанные с наступлением Нового года, могут быть отнесены к двум основным категориям:

1) те, что символизируют возвращение Хаоса (тушение огней, проявления «зла» и греховности, поведение, обратное привычному, оргии, приход мёртвых и т. д.);

2) те, что символизируют Космогонию (зажигание новых огней, уход мёртвых, «инсценировки» сотворения Мира Богами, торжественное предсказание будущего и т. д.)» (Jeliade 1999, Р.17).

В сфере профанного формируется специфическое *генеалогическое* сознание и соответствующая ему *генеалогическая* память.

Последней стадией архаического типа социальности является так называемая *земледельческая*, или *сельская*, община. Её особенностью является сосуществование в сфере экономики двух форм собственности – *общественной* и *частной*. «Её конститутивная форма, – отмечает К.Маркс, – допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Всё зависит от исторической среды, в которой она находится... *a priori* возможен и тот, и другой исход, но для каждого из них, очевидно, необходима совершенно различная историческая среда» (Marks 1961, P.404-405). История показала, что в подавляющем числе регионов планеты победило как раз частно-собственническое начало.

По мере его упрочения Архаика уходила в прошлое и её сменил новый тип социальности, для которого характерно разделение общественного целого на сферу *официальной* жизни – жизни социумных институтов во главе с государством и сферу *частной* жизни. Наступила та эпоха, «когда время личных, бытовых, семейных событий индивидуализировалось и отделилось от времени коллективной исторической жизни общественного целого, когда появились разные масштабы для измерения событий *частной* жизни и событий *истории* (они очутились в разных плоскостях). Хотя *абстрактно* (то есть астрономически-хронологически. – А.Х.) время осталось единым, но *сюжетно* оно раздвоилось. Сюжеты частной жизни не распространяемы, не переносимы на жизнь общественного целого (государства, нации); сюжеты (события) исторические стали чем-то специфически отличным от сюжетов жизни частной (любовь, брак); они переименовывались лишь в некоторых специфических точках (война, брак короля, преступление), от этих точек расходясь всё же в разных направлениях...» (Bahtin 2012, P. 457). Мифология была вытеснена *религией* с её отправлением *культы* и последующей её *конфессионализацией*. Сфера сакрального, связанная теперь с религией и противостоящая сфере *секулярного*, сосредоточилась в официально-институциональном измерении.

В связи с разделением прежде единого профанного времени жизнедеятельности на всё более расходящиеся друг относительно друга историческое и бытовое, обиходное время и наделением первого высоким, а второго – низким социокультурным статусом, формируется и функционирует *два рода* социальной памяти: а) *официально-исторической* и б) *вне-официальной*, приватно-бытовой – общностной (групповой, клановой, семейной и т. д.) и индивидуальной. Содержание как того, так и другого рода памяти бывает наполнено как реалистическим, так и иллюзорным содержанием.

В постархаических культурах начинает формироваться собственно *историческое* сознание. В некоторых регионах формируется также и историческая *рефлексия*. Так, в Древнем Китае начинает писать историю Сыма Цянь, в Древнем Египте историю пишет Манефон, а в Древней Греции – Геродот. И это несмотря на то, что, к примеру, в греческом мировоззрении превалирует циклическая модель времени. В эпоху Средневековья популярным становится составление хроник. В Новое время в Западной Европе наряду с исторической наукой формируется особый раздел философии – *философия истории* (первым издал сочинение под таким названием Ф.Вольтер). В рамках философии истории начинает решаться проблема

периодизации исторического процесса (история как наука ограничивается – по крайней мере, длительное время – лишь проблемой *хронологии*).

Со времени утверждения христианства наряду с секулярной Историей (историей государственно значимых – как положительно, так и отрицательно – событий и персонажей) сложились две сакральные истории: 1) собственно религиозная *эсхатологическая* история, обозримая в оба конца (её началом являются сотворение мира и человека, грехопадение и изгнание из Рая; серединой является распятие Иисуса Христа и его воскресение; концом – ожидаемое Второе Пришествие, воскрешение мёртвых, Страшный Суд и Конец Света); 2) церковная история (история деяний апостолов, жития святых, борьбы с ересями, история пап и т. д.). Соответственно этому конструировались три варианта исторической памяти: 1) память о секулярном прошлом; 2) религиозно-догматическая, сплошь имагинативная память, кодифицированная в Священном Писании; 3) реально-церковная память. Все эти три формы памяти представляют собой формы *официально-исторической* памяти и как таковые не просто надстраиваются, но буквально нависают над *вне-официально-обиходной*, приватно-бытовой многообразной (групповой, клановой, семейной, индивидуальной и т.д.) памятью людей, живущих обыденной повседневной жизнью.

Институт государства едва ли не со времени своего возникновения берёт под свой контроль не только жизнедеятельность и сознание своих граждан, но *берёт под свой контроль* также и их историческую память. Более того, он стремится формировать, конструировать её содержание по своему усмотрению. В развитых государствах, особенно в XX и наступившем XXI веке, политическая идеология стремится контролировать исторические исследования, в той или иной степени понуждая историков формировать требуемый интересами государства образ отечественной или даже мировой истории. В науке истории чаще всего встречается феномен *заказной теории* (Hamidov 2015). Под заказной имеется в виду такая теория, в которой *под видом истины* заказывается вполне конкретная **правдоподобная** картина феномена, удовлетворяющая заказчика. Подчас историкам даётся прямой заказ на переинтерпретацию или (и) утаивание одних фактов, событий, имён и выпячивание других, а то и изобретение не имевших места. В такой переинтерпретации и т.д. обязательно должны быть расставлены идеологически важные смысловые и особенно ценностные акценты. Следовательно, содержанием заказной теории является *фальсифицированная* действительная история.

На исследование определённых этапов истории и деятельности исторических фигур может налагаться однозначный запрет. Примером может быть история большевизма и деятельности большевистской партии. В 1938 г. была издана книга «История ВКП(б). Краткий курс». Специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября того же года эта книга была объявлена «энциклопедией основных знаний в области марксизма – ленинизма», представляющей собой «официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма – ленинизма, *не допускающее* никаких произвольных толкований» (Postanovlenie SK 1954, P.316) (курсив мой. – А.Х.)³. Недопущение «произвольных толкований» в то время обеспечивалось партийной дисциплиной (для членов партии), государственной властью, судом и прокуратурой, органами НКВД,

³ В изданиях цитируемых материалов после 1954 г. этот документ больше не публиковался.

разветвлённой системой ГУЛАГ'а и другими «мерами». Надо отметить, что история КПСС переписывалась несколько раз под диктатом очередной политико-идеологической конъюнктуры.

Имеет смысл коснуться пространственно-временной организации тоталитарно-авторитарного социума на примере СССР. Пространство здесь организовано по архаически-языческому принципу, т.е. по принципу «центр – периферия». Центр – это Москва, столица СССР, периферия же – вся остальная страна. Ф.Энгельс писал: «...Как только централизация государства проводится всерьёз, становится неизбежной локальная централизация, гегемония центра» (Jengel's 1970, P.323-324), то есть столицы этого государства. Внутри этого Центра находится ещё и Сверх-Центр, где сосредоточена (по крайней мере, во времена И.В.Сталина) Государственная и Партийная Власть, распространяющаяся на всю обширную периферию. Внутри же этого Сверх-Центра находится Абсолютный Центр – «великий вождь всех времён и народов» (при И.В.Сталине) или же Политбюро ЦК КПСС (в последующие годы). Пространство тоталитарного социума организовано не только по горизонтали, но и по вертикали, так что Абсолютный Центр есть вместе с тем и Абсолютный Верх государственно-социальной пирамиды.

Время тут столь же этатизировано, как и пространство, насыщено политико-идеологической квази-сакральностью. Как и в архаической модели мира, здесь постулировано первоначальное время («время оно») – время Первотворения. Таковым признано время Октябрьского переворота, время захвата большевиками (и левыми эсерами, которые вскоре были подвергнуты остракизму), политической власти. Это и есть начало акта «социалистического космогенеза», материальным актом которого полагается «героический штурм» Зимнего дворца в Петрограде (как известно, он был взят почти бескровно, но идеологическая целесообразность и необходимость требовала создания Легенды), а символическим – холостой выстрел крейсера «Автора». Сакральное время актуализировалось в советских официальных праздниках, главным среди которых было 7 (по новому стилю) ноября. От него шёл отсчёт советского «литургического года». В этот день народ был призван каждый год переживать акт Первотворения. Точно так же, как в архаической культуре воспринимается наступление Нового года.

Для тоталитарно-авторитарной модели времени характерна его амбивалентность: оно циклично и в то же время линейно. С одной стороны, оно оказывается «обратимым и циклическим, в нём всё повторяется, всё имеет свои прототипы. Хорошо то, что уже было» (Gozman, Jetkind 1989, P.348). В этом типе времени доминирует модус Прошлого. Ценностный вектор направлен к нему. Это – архаический срез тоталитарно-авторитарного времени. С другой стороны, время становится линейным, но конечным. Его начало жёстко и точно – это время Октябрьского переворота (и в этом пункте циклическая модель совпадает с моделью линейной). Но здесь ценностный акцент поставлен на Будущем: им предстаёт ожидаемый коммунизм. И хотя сроки его наступления неопределённые, но – с точки зрения тоталитарно-авторитарной идеологии – близки (он «не за горами»). Тем самым линейное время *эсхатологично*, хотя содержание этой эсхатологичности секулярное (уповают не на Град Божий, но на Град Земной). Это – религиозно-христианский срез тоталитарно-авторитарного времени. Особый статус тут занимает модус Настоящего. И в мировоззрении, и в жизнедеятельности настоящее предстаёт как *время-средство* для приближения общими усилиями «светлого будущего». Советский режим формировал у своих граждан

утопистское сознание и соответствующую этому сознанию историческую память.

Постреволюционный советский человек жил и творил в *секуляризованно-сакрализованном* пространстве и времени, в котором, правда, по замыслу большевистской утопии, должна доминировать не *ин-*волюционная, а эволюционная тенденция. Но глядя вперёд, в «светлое будущее», он в то же время глядел назад, в абсолютное Начало – точку отсчёта существования реализованной утопии. Советский человек в соответствии с предписанием жил и творил, воплощая утопию, т.е. проявляя исключительно утопическую активность. В этой связи и его историческая память обязана была быть утопизированной. На формирование и закрепление этой памяти работали идеологически-пропагандистские учреждения, а также официальная идеологизированная наука (прежде всего, историческая, конструирующая образ Прошлого в строгом соответствии с заказом).

Заказ на конструирование образа тех или иных исторических событий может исходить не только от государства, но и от социальных групп, кланов и т.п. Так, например, О.И.Грейг сообщает, что «из материалов Нюрнбергского процесса были изъяты свидетельства о ритуальной и оккультной составляющей Третьего рейха...» и «что в 1946г. только первый взнос фонда Рокфеллера составил 139 000 долларов, потраченных на **создание** официальной версии Второй мировой войны, где **не** будет пунктов о борьбе за Веру под крестом, о сражениях против богоборцев под круговращением “шагающего солнца”, об уничтожении детей дьявола в виде *jude*, оккупирующих страны и подменяющих собой народы (по разумению нацистов) и прочая псевдонаучная, научная и оккультно-мистическая подоплёка нацизма. Те, кто станет отпускать деньги на создание *своей* истории Второй мировой войны, **сокроют** и своё личное участие в финансовой подпитке системы фашизма» (Greig 2011, P.75-76). Или вот ещё пример. После развала СССР фонд «филантропа» Дж.Сороса (по-венгерски: Шораш; настоящая фамилия – Шварц) стал финансировать разработки учебников истории (особенно для системы школьного образования), в которых история России изображалась бы в самом неприглядном свете, а роль Советского Союза во Второй мировой войне была бы сведена к минимуму. Но подобные примеры – не редкость...

Наиболее идеологически ангажированными оказываются *учебники истории*, обращающиеся в сфере образования, особенно общего, или среднего. В этих учебниках зачастую изображена именно та версия истории, которая необходима государству или иному заказчику (как в случае с Дж.Соросом). Посредством обучения истории в соответствии со спущенной сверху программой и утверждённым учебником в этом случае осуществляется целенаправленная индоктринация общественного сознания, в котором закрепляется (подчас довольно прочный и непоколебимый) образ истории, который и кладётся в основание исторической памяти и составляет её содержание.

Особое распространение тенденциозные заказные исторические теории получили в 1990-е годы в ставших суверенными государствами бывших союзных республик СССР. В этой связи И.Б.Орлова пишет о феномене *этнического историзма*, сформировавшегося в исторической науке постсоветских независимых государств. «Он, – пишет она, – отличается, в частности, тем, что классовые, социальные, политические факторы, действующие в истории, отходят на задний план, а на первый выходят факторы этнические. Стало считаться, например, что только «национальный»

историк может создать реальную историю своей страны. При этом «национальный» трактуется как «этнически свой».

Тенденция этнизации сливается с политизацией истории. Скажем откровенно: «новые» истории на постсоветском пространстве конструируются с заранее заданной политической целью при помощи определённым образом отобранной информации, влияющей на массовое сознание» (Orlova 2009, P.126). Общим для всех этнических историй является, прежде всего, «пересмотр галереи великих личностей и памятных дат; ...героизация собственного прошлого, «удревнение» своей истории и поиск корней среди древних цивилизаций» (Orlova 2009, P.126-127). Если эту интенцию на удревнение собственной истории выразить в саркастической формуле, то она будет иметь следующий вид: всё человечество произошло от «нашего» этноса. И это не преувеличение. Дело часто доходило до смешного: некоторые древние исторические деятели объявлялись представителями конкретного этноса, а исторически значимые события, выдающиеся открытия и изобретения – его заслугой. Среди методических приёмов, которые при этом используются такими «историками», «избирательное отношение к историческим фактам, гиперболизация и манипуляция цифрами, мифотворчество, фальсификация, демонизация и дегуманизация оппонента и прямая ложь» (Orlova 2009, P.. 134).

Многие давно переболели этническим историзмом. Но вот в ряде постсоветских суверенных государств (Грузия, Украина, страны Балтии) до сих пор «официальная власть активно влияет на развитие исторической науки, считая её одной из главных составляющих идеологического воздействия на население» (Orlova 2009, P.131). Результаты такой объективно *фальсифицированной* и политически *ангажированной* (чаще всего пронизанной явной антироссийской направленностью) исторической науки через средства массовой информации (СМИ), по совместительству являющиеся средствами массовой *манипуляции* сознанием, а также через школьное и вузовское образование, внедряются в сознание граждан, и если ложатся на подходящую (= этно-центристскую) почву, дают ожидаемые всходы. Препарированная историческая реальность, становясь содержанием исторической памяти граждан, погружает их во мрак иллюзий, но таких иллюзий, которыми можно легко управлять в нужном направлении властям предержавшим. «Историческое знание – мощное средство социального влияния, которое активно используется властью; при этом оно может искажаться. «Настоящее» делает запрос «прошлому» и конструирует прошлую социальную реальность по своим запросам, с чем приходится часто встречаться сегодня. Искажённая история обычно обслуживает интересы новых властных элит, присущее им этнократическое понимание национальных целей...» (Orlova 2009, P.134). При этом властям, по сути, безразлична история сама по себе; они живут в *настоящем* и стремятся продлить его в бесконечное будущее. Е.Г.Трубина замечает: «Прошлое вытесняет будущее в политических дебатах тем основательнее, чем больше увеличивается чувство негарантированности будущего» (Trubina 1998, P.642, прав.стбц). Соответствующим образом препарированное прошлое становится средством удержания желательного настоящего.

Показательной в этом отношении является политика в области национальной истории на Украине. Примером может служить книга Мыколы Галычанца «Украинская нация. Происхождение и жизнь украинской нации с наидревнейших времён до XI столетия» (2005 г.). В аннотации к этой книге

сказано: «В книге подано происхождение и жизнь украинской нации от её образования 40 тысяч лет тому и до XI века н.э.» (Galichanec' 2005, P.2). На рубеже II-I тысячелетий до н.э., отмечает Галычанец, произошёл упадок «выдающейся цивилизации славян-праукраинцев». Наступило похолодание, началось переселение арийцев, в том числе и «арийцев-праукраинцев» на юг – в Среднюю Азию, за Кавказ, в земли хеттов, шумеров, в Трою, а также в Иран и Индию. Всюду они несли высокие знания, верования, технологии. Так, в долину Ганга, отмечает наш автор, прибыло «немало арийцев из степей Восточной Европы. Эти арийцы-земледельцы имели много чудесных устных философских вед (знаний. – А.Х.) о Вселенной, едином Боге, явлениях природы, приключениях людей и т.д. Веды понравились и очаровали местное население дравидов, так что дравиды изучали веды, со временем записали письмом *санскритом* (своим или позаимствовали звуко-буквенное письмо арийцев, приспособили к своему языку). Эти веды стали философской основой древнейшей веры Индии – *ведизма*, или ведыизма. Священной книгой этой веры стали «Веды», где сохранилась философия, гимны и молитвы времён прибытия арийцев-праукраинцев. Само появление в Индии арийцев-праукраинцев дало «Веды» и начало историческим знаниям об Индии» (Galichanec' 2005, P.61). Да и к оформлению санскрита «приложили руку» арийцы-праукраинцы. «Из древнейших творений санскрита, – пишет М. Галычанец, – можем восстановить влияние языка арийцев-праукраинцев на древнеиндийский словарный запас, а также выявить слова языка арийцев-праукраинцев того времени» (Galichanec' 2005, P.61).

Но на фальсификацию истории и тем самым на содержание исторической памяти в XX и наступившем XXI веке оказывает и позиция *официальной науки*. Дело в том, что за этот период представителями древней истории и археологии накоплено множество достоверных данных (в том числе и различных артефактов), свидетельствующих о том, что историческая картина мира, сформированная официальной наукой, не соответствует действительности (см. об этом: Kremo, Tompson 2001 ; Bejdzhent 2007; Zapreshhjonaja istorija 2010; Shemshuk 2013; Hamidov 2014, ч. II, гл. III; ч. III). И если не замалчивать или не дискредитировать противоречащие официальной науке данные, не отправлять найденные артефакты в запасники или даже не уничтожать, то, как отмечает М.Бейджент, под угрозой могут «оказаться академические карьеры, построенные на давних и прочно вошедших в обиход, но ошибочных теориях» (Bejdzhent 2007, P.146), а ведь «в некоторые общепринятые трактовки доисторического прошлого человечества вложено так много средств и учёных репутаций стольких людей, что их упрямо сохраняют, невзирая даже на неуклонно растущий вал противоречащих им данных» (Bejdzhent 2007, P.8). Но, как правильно отмечает М.Бейджент, «теория, которая нуждается для своего выживания в том, чтобы отвергались фактические данные, не та теория, которая заслуживает отстаивания» (Bejdzhent 2007, P.39). Конечно, вполне возможно, что представители официальной исторической науки в этих случаях не только стремятся защитить свои должности, регалии и т.п., отстаивая, так сказать, «честь мундира». Многие искренне заблуждаются. Но есть среди них и немало тех, кто ангажирован, чья позиция в науке заказана извне.

В наступившем XXI столетии обнаружилась ещё одна форма отношения к Прошлому и соответственно – тенденция обработки исторической памяти человечества, санкционированная, судя по всему, теми, кого принято называть «мировой закулисой», или Мировым Правительством, стоящим во главе «золотого миллиарда». Её непосредственным орудием является государство США, которое развязало само или при поддержке которого в наступившем

столетии развязан ряд локальных войн и так называемых «цветных революций». Как правило, подобные акции не являются чем-то однозначным или одномерным. Под видом свержения «диктаторских» режимов и внедрения демократии посредством «управляемого хаоса» на деле выясняется, что ближайшей их целью является установление контроля над природными ресурсами (прежде всего, над нефтью и газом) и даже их присвоение. Однако за всем этим проглядывает и ещё одна цель. Все эти страны, в которые вторгались «демократизаторы», являются колыбелями древнейших культур – древнеегипетской, шумерской, вавилонской, ассирийской и др. Любопытно, что в Афганистане, Ираке, Египте, Ливии, Сирии завоеватели вторгались в музеи, грабили и увозили одни экспонаты и намеренно уничтожали другие. Причём отмечается, что грабила не толпа, а профессионалы. Так, из Иракского Национального музея в г.Багдаде было похищено 17 000 экспонатов, а заняв Вавилон, американские военные разграбили Вавилонский музей, похитив из него 2/3 экспонатов.

В последнее время данная функция возложена на ИГИЛ (ДАИШ⁴) – организацию, одной из задач которой является целенаправленное уничтожение огромного пласта исторической памяти человечества. Боевики этой организации грабят музеи и святилища и переправляют то, что поддаётся незаметной транспортировке на Запад, где оно через посредство тайных аукционов оседает в частных коллекциях и больше не появляется на свет. То же, что не поддаётся вывозу, нарочито, при кинокамерах цинично уничтожается.

Мировая закулиса вырабатывает новую, приемлемую для неё, картину исторического Прошлого человечества. Конечно, сокрытием, похищением и уничтожением опредмеченной памяти дело не ограничивается. Идёт также намеренное сокрытие древних знаний. И официальная наука тут оказывается «на высоте». Помимо этого, в рамках программы тотальной чипизации населения планеты с целью слежения за ним и манипулирования им разрабатывается технология вживления в человеческий мозг жидкокристаллических микрочипов со встроенной в них сконструированной памятью, в том числе, конечно, и исторической. Если этому ничто не станет препятствием, то уже через несколько поколений действительной исторической памяти человечества грозит быть стёртой или же «переформатированной» до неузнаваемости.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7-ми т. – Т. 3. Теория романа (1930-1961 г.). – М., 2012.
2. Бейджент М. Запретная археология. – М., 2007.
3. Галичанец М. Українська нація. Походження і життя української нації з найдавніших часів до XI століття. – Тернопіль, 2005.
4. Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. – М., 1989.
5. Грейг О.И. Секретная Антарктида, или Русская разведка на Южном полюсе. – М., 2011.
6. Запрещённая история. – М., 2010.
7. Кёйпер Ф.Б. Я. Космогония и зачатие: к постановке вопроса // Кёйпер Ф.Б. Труды по ведийской мифологии. – М., 1986.
8. Кремо М., Томпсон Р. Неизвестная история человечества. (Полное издание). – М., 2001.
9. Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. [В 50-ти т.] – Т. 19. – М., 1961.

⁴ ДАИШ – по-рабски то же, что по-русски ИГИЛ. Однако имеется нюанс. «Название ДАИШ для арабоязычных представителей группировки звучит оскорбительно, так как отличается всего одной буквой от слова *دلعس* ["*dauc*"], означающего кого-то или что-то раздавливающее, попирающее» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Исламское_государство).

10. Орлова И. Б. Этнозация исторического знания в постсоветских государствах // Социс. – 2009. – № 10.
11. Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Ч. III. 1930 – 1954. – М., 1954.
12. Словарь философских терминов. – М., 2004.
13. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988.
14. Трубина Е. Г. Память коллективная // Современный философский словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. - Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998.
15. Хамидов А. А. Научное и вне-научное знание: конфронтация и конвергенция: в 3-х ч. – Усть-Каменогорск, 2014.
16. Хамидов А. А. Феномен заказной теории. (Статья первая) // Адам әлемі. – 2015. – № 1-2.
17. Шемшук В. А. Запрещённая история. – М., 2013.
18. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. – СПб., 1998.
19. Элиаде М. Тайные общества. Обряды и посвящения. – М.; СПб., 1999.
20. Энгельс Ф. Централизация и свобода // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. [В 50-ти т.] – Т. 41. – М., 1970.

Reference

- Bahtin 2012 – Bahtin, MM 2012, *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi pojetike, Sbranie sochinenij. V 7-mi t. T. 3. Teoriya romana (1930-1961 g.)*, Moscow. (in Rus).
- Bejdzhent 2007 – Bejdzhent, M 2007, *Zapretnaja arheologija*, Moscow. (in Rus).
- Galichanec' 2005 – Galichanec', M 2005, *Ukraïns'ka nacija. Pohodzhennja i zhittja ukraïns'koï nacii z najdavniših chasiv do XI stolittja*, Ternopil'. (in Rus).
- Gozman, Jetkind 1989 – Gozman, L, Jetkind 1989, *A Kul't vlasti. Struktura totalitarnogo soznanija, Osmyslit' kul't Stalina*, Moscow. (in Rus).
- Grejg 2011 – Grejg, OI 2011, *Sekretnaja Antarktida, ili Russkaja razvedka na Juzhnom poljuse*, Moscow. (in Rus).
- Hamidov 2014 – Hamidov, AA 2014, *Nauchnoe i vne-nauchnoe znanie: konfrontacija i konvergencija. V 3-h ch., Ust'-Kamenogorsk*. (in Rus).
- Hamidov 2015 – Hamidov, AA 2015 *Fenomen zakaznoj teorii. (Stat'ja pervaja), Adam әlemi, № 1-2.* (in Rus).
- Jeliade 1998 – Jeliade, M 1998, *Mif o vechnom vozvrashhenii. Arhetipy i povtorjaemost'*, Saint-Petersburg. (in Rus).
- Jeliade 1999 – Jeliade, M 1999, *Tajnye obshhestva. Obrjady i posvjashhenija*. M.; SPb., 1999. (in Rus).
- Jengel's 1970 - Jengel's, F 1970, *Centralizacija i svoboda, Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Izd. 2-e. [V 50-ti t.] T. 41*, Moscow. (in Rus).
- Kjojper 1986 – Kjojper, FB 1986, *Ja. Kosmogonija i zachatie: k postanovke voprosa, Trudy po vedijskoj mifologii*, Moscow. (in Rus).
- Kremo, Tompson 2001 - Kremo, M, Tompson, R 2001, *Neizvestnaja istorija chelovechestva. (Polnoe izdanie)*, Moscow. (in Rus).
- Marks 1961 – Marks, K 1961, *Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zsulich, Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Izd. 2-e. [V 50-ti t.] T. 19*. M., 1961. (in Rus).
- Orlova 2009 - Orlova, IB 2009, *Jetnizacija istoricheskogo znanija v postsovetskih gosudarstvah, Socis, № 10.* (in Rus).
- Postanovlenie CK 1954 – Postanovlenie CK VKP(b) ot 14 nojabrja 1938 g. O postanovke partijnoj propagandy v svjazi s vypuskom «Kratkogo kursa istorii VKP(b)», *Kommunističeskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK. Ch. III. 1930-1954*, Moscow. (in Rus).
- Shemshuk 2013 – Shemshuk, VA 2013, *Zapreshhjonaja istorija*, Moscow. (in Rus).
- Slovar' filosofskih terminov 2004 – *Slovar' filosofskih terminov*, 2004, Moscow. (in Rus).
- Toporov 1988 – Toporov, VN 1988, *O rituale. Vvedenie v problematiku, Arhaicheskij ritual v fol'klornyh i ranneliteraturnyh pamjatnikah*, Moscow. (in Rus).
- Trubina 1998 – Trubina, EG 1998, *Pamjat' kolektivnaja, Sovremennyj filosofskij slovar'. Izd. 2-e, ispr. i dop., «PANPRINT», London, Frankfurt-na-Majne, Parizh, Ljuksem-burg, Moskva, Minsk.* (in Rus).
- Zapreshhjonaja istorija 2010 – *Zapreshhjonaja istorija 2010*, Moscow. (in Rus).

Тарихи жад ырықтандыру және құрылымдаудың объектісі ретінде

Хамидов Александр Александрович

философия ғылымдарының докторы, профессор, В.М.Шукшин атындағы Алтай Мемлекеттік гуманитарлық-педагогикалық университетінің ғылыми қызметкері. Ресей Федерациясы 659333, Бийск қ., Короленко көшесі, 53.

Түйін. Мақала тарихи-мәдени ретроспективада тарихи жад феноменінің қалыптасу және даму тәсілін қарастыруға арналған. Автор тарихи жадының шынайы және иллюзорлық түрлерін анықтайды және олардың қалыптасу логикасын әртүрлі социомәдени жағдайлар контекстінде (архаикалық кезең, кеңестік тарих, посткеңестік тәуелсіз мемлекеттер тарихы, қазіргі дүниежүзілік үрдіс) қарастырады. Қазіргі кезеңде (XX және XXI ғғ.) тарихи сананың қалыптасу ерекшеліктерін талдай отырып, автор ол жиі ырықтандыру және құрылымдау объектісі болып табылады деп атап өтеді.

Түйін сөздер: қауымдастық жад; уақыт моделі; генеалогиялық жад; тарихи сана; тарихи жадыны этатизациялау; тарихты бұрмалау; тарихи жадыны ангажирлеу.

Historical memory as an object of manipulation and construction

Khamidov Aleksandr Aleksandrovich

Doctor of Philosophy, professor, researcher of Altai State Humanitarian Pedagogical University named after V.M. Shukshin. Russian Federation 659333, Biysk, 53, Korolenko str.

Abstract. The article considers the method of formation and development of the historical memory phenomenon in historical and cultural retrospect. The author reveals the real and the illusory forms of historical memory and examines the logic of their formation in the context of different socio-cultural circumstances (archaic period, Soviet history, the history of post-Soviet sovereign states, modern world process). Analyzing the features of formation of historical consciousness at the present stage (the twentieth and twenty-first century), the author notes that it is often the object of manipulation and construction.

Keywords: collective memory; time model; genealogical memory; historical consciousness; historical memory etatization; falsification of history; engagement of historical memory.